

МАРИНА ЩЕРБАКОВА

В ПРЕДДВЕРИИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

Мысль об отправке Русской Духовной Миссии в Иерусалим родилась под влиянием многих обстоятельств.

На владение святыми местами Палестины и Сирии с давних пор претендовали христиане разных исповеданий. Со второй половины 1830-х годов спор вокруг святынь Иерусалима и Вифлеема особенно обострился между духовенством Греческой и Армянской Церквей. Накалённая атмосфера враждебности таила в себе серьёзную опасность более активного вмешательства Римско-Католической Церкви в дела на Востоке. Предпосылки к этому были. Западные державы, особенно Франция, в 1840-е годы активно вели себя на Святой Земле: учреждали консульства, организовывали школы и больницы, строили церкви. И для этих держав святыне места были мощным полюсом притяжения.

Россия, между тем, вела осторожную политику, чтобы не навредить делу. Её авторитет и влияние на Востоке поддерживались Кючук-Кайнарджийским мирным договором, заключённым с Османской Портой по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 годов. В частности, артикул 8 Договора гласил: “Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволит-ся свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требовать ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути от кого бы то ни было никакой харач, подать, дань или другие какие налоги; но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими пашпортами и указами, которые прочим 83 дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Османской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорблений, но да будут они со всей строгостью законов защищаемы”.

Когда же Папа Пий IX в 1847 году восстановил титул, не присваивавшийся со времён последних крестовых походов, и назначил епископа Валергу “Латинским Патриархом Иерусалима”, угроза со стороны Католической Церкви для Православия на Святой Земле стала очевидной. Потребовалось наблюдение за действиями католического прелата. Много шума на Востоке вызвала брошюра французского миссионера Эжена Боре о праве католиков на палестинские святыни. При этом первоначальные мотивы спора быстро стали приобретать политическую окраску.

Архимандрит Порфирий (Успенский) был, возможно, одним из первых, кто осознал всю важность учреждения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии; свои соображения на этот счёт он изложил в записке от 6 января 1845 года, представив её русскому посланнику в Константинополе В. П. Титову. Знаменитый византолог и востоковед, архимандрит Порфирий в это

время совершал свою первую поездку по Ближнему Востоку, за два с половиной года побывав в Палестине, Сирии, Египте, Ливии, в Синайской пустыне, а также посетив Святую Гору Афон. Наблюдая состояние Православия, он всё более убеждался в необходимости взаимодействия между Поместными Церквями для решения общих задач.

Для учреждения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии была ещё одна немаловажная причина. К святыням Палестины издавна устремлялись русские православные паломники. Преодолевая долгий путь, сопряжённый с дорожными трудностями и нередко даже опасностями, они, хотя и непритязательные к бытовым условиям, всё же нуждались, когда достигали заветной цели, в определённой помощи и надзоре. Поэтому заботу о них должно было взять на себя официальное русское учреждение в Палестине, а такого не было, кроме посольства в Константинополе и консульства в Бейруте. Это, в связи с возрастающим числом паломников на Святую Землю, неудачно неоднократно подчёркивал в своих служебных письмах и русский консул К. М. Базили.

Два года дело о Духовной Миссии держалось в тайне и обсуждалось узким кругом лиц.

В начале января 1847 года посланник Титов, находясь в Петербурге, вновь обратился к архимандриту Порфирию с поручением в двухдневный срок подготовить записку о необходимости учреждения Миссии. Оценив по достоинству изложенные архимандритом Порфирием аргументы и приняв во внимание его прежние труды и заслуги, Титов решил добиваться его назначения начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Первой официальной датой в истории Миссии следует считать 11 февраля 1847 года. В этот день государственный канцлер К. В. Нессельроде представил Императору Николаю I записку с предложениями, заранее согласовав их с обер-прокурором Святейшего Синода Н. А. Протасовым, об устройстве в Иерусалиме Русской Духовной Миссии. Документ получил Высочайшее одобрение. В тот же день графу Нессельроде было дано указание определить будущих сотрудников и подумать об источниках финансирования Миссии.

Выбор остановился на иеромонахе Феофане (Говорове), бакалавре Санкт-Петербургской духовной академии, и студентах Санкт-Петербургской духовной семинарии Петре Соловьёве и Николае Крылове. Они были «уволены за границу для поклонения Святым местам»; им дозволялось находиться в Иерусалиме при архимандрите Порфирии и принимать участие в возложенных на него поручениях.

Составленные к 28 августа 1847 года сметы денежного жалования по штату Миссии были поданы на Высочайшее рассмотрение. На документе Император Николай I собственноручно начертил: «Быть по сему».

Наконец, 14 октября, в восьмом часу вечера, как следует из рапорта секретаря Санкт-Петербургской духовной консистории, члены Миссии выехали к месту назначения. Предстоял долгий и длинный путь: на лошадях от Петербурга до Одессы; далее парходом до Константинополя, от Константинополя до Бейрута; затем восемь дней пути на мулах.

Сложная политическая ситуация на Востоке повлияла на решение Святейшего Синода придать Миссии на первое время неофициальный статус. Сотрудники должны были представляться паломниками, или, как тогда было принято говорить, поклонниками, имевшими, впрочем, рекомендацию от русского духовного начальства к Иерусалимскому Патриарху. Архимандриту Порфирию был выдан антиминос «для священнодействия на Святых местах». Рассчитывая на разрешение Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского, Русская Миссия намеревалась наладить в Палестине богослужения на славянском языке, но так, чтобы не вызвать недовольства греков. Исключительный авторитет архимандрита Порфирия, его глубокое знание православного Востока должны были укрепить отношения России с Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами, в союзе с которыми можно было бы противостоять планам Римско-Католической Церкви и протестантских стран Европы.

В Одессу миссионеры прибыли 2 ноября и приступили к упаковке багажа с книгами и домашними вещами, заказали для всех членов Миссии полное монашеское одеяние, «которое нашим покровом не может быть изготовлено нигде за границей». В связи с этим пришлось пропустить один пароход. Но время зря не теряли: встречались с известным философом Александром Скарлатовичем Стурдзой и действительным членом Афинского общества

древностей Спиридоном Юрьевичем Дестунисом; иеромонах Феофан и студенты учили новогреческий язык.

21 ноября пароход “Херсонес” с членами Миссии на борту наконец покинул берега Одессы и взял курс на Константинополь. Неожиданным и приятным попутчиком оказался полковник Егор Петрович Ковалевский; известный путешественник направлялся в Египет, Нубию и Абиссинию. Двое суток длилось плавание по Чёрному морю. Пройдя Босфор, “Херсонес” бросил якорь в заливе Золотой Рог.

Два месяца провели русские миссионеры в Константинополе. По протоколу все были представлены русскому посланнику Владимиру Петровичу Титову, принимали благословение у Вселенского Патриарха Анфима в присутствии всего Священного Синода Константинопольской Православной Церкви; участвовали в богослужениях и патриарших приёмах. На одном из них Патриарх Анфим сообщил гостям из России, что “тайно поминал государя нашего в молитвах своих”; он также молился “о спасении сербского народа, по завещанию бывшего правителя Сербии, Милоша Обреновича старшего”.

В путевом дневнике архимандрита Порфирия находим сообщение о неблагоприятном участии католиков в притеснении православных христиан, чему он был свидетелем: “В Константинополе живёт папский миссионер, который хорошо знает язык церковнославянский. Он купил здесь богослужебные книги, напечатанные в России, и послал их папе, а турецкому министру иностранных дел показал в них моление о потреблении агарянского царства. И вот теперь здешние книгопытатели вырезают эти моления и вырывают те страницы, где напечатаны имена наших царей, цариц и их чад. Жаль мне болгар, которые охотно покупают наши богослужебные книги. Я боюсь, как бы агаряне не стали притеснять их под предлогом розыска этих книг для уничтожения в них речений, противных агарянскому владычеству их”.

В Константинополе учёные занятия сотрудников Миссии обрели новое качество. Архимандрит Порфирий составил для Священного Синода Русской Православной Церкви краткие заметки об Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквях. Под его руководством иеромонах Феофан завершил перевод трёх греческих рукописных памятников из кодекса Иерусалимской Патриархии, выявленного в библиотеке Константинопольского подворья Святогробского монастыря: “Деяния об архиепископе Синайском Косме” (1702) и два послания Константинопольского Патриарха Хрисанфа (1721).

Получив рекомендательное письмо от Вселенского Патриарха, русские миссионеры намеревались посетить открытое в 1844 году греческое богословское училище на о. Халки. Это один из девяти Принцевых островов в Мраморном море в 20 верстах от Константинополя. На самом высоком холме острова, в северной его части, располагался греческий монастырь Пресвятой Троицы, в котором и разместилось духовное училище, ставшее главным образовательным учреждением для высшего и низшего духовенства в Константинопольском Патриархате. За годы существования училища вплоть до его закрытия в 1971 году дипломы об окончании учебного курса получили 930 слушателей.

Но слабость здоровья архимандрита Порфирия и зимняя непогода помешали русским миссионерам посетить остров Халки. “Это дело может исполнить будущий священнослужитель здешней посольской церкви”, – писал архимандрит Порфирий К. С. Сербиновичу. Так и произошло. Позднее, на Пасху 1857 года, уже в сане архимандрита и как настоятель русской посольской церкви в Константинополе, в халкинском училище побывал о. Феофан (Говоров) и убедился, как замечательно всё в нём устроено. Халкинская богословская школа и в последующие годы привлекала к себе внимание и возбуждала в русских людях стремление помочь благородному делу воспитания православных юношей на Востоке. В 1861 году на выпускных экзаменах присутствовал архимандрит Антонин (Капустин), описавший свои впечатления в очерке “С Востока”. Протоиерей Серафим Серафимов посвятил этому учебному заведению аналитическую статью “Несколько слов о преподавании славянского языка в Богословском Халкийском училище в Константинополе”.

Из Константинополя в Бейрут членов Миссии доставил корабль “Истамбул”, на борту которого состоялась нечаянная встреча. Вместе с русскими миссионерами плыл Николай Васильевич Гоголь. Студент Пётр Соловьёв описал в своих воспоминаниях, как ему довелось угощать великого русского писателя и его спутника родосскими апельсинами. На этом знакомство

миссионеров с Гоголем, собственно, и закончилось. Позднее, в письме к А. С. Стурдзе, архимандрит Порфирий так объяснил происшедшее: “С Гоголем я встретился на пути в Иерусалим и не мог узнать его по причине не-прикосновенного сосредоточения души его в себе самой и в Боге”.

Гоголь направлялся в Иерусалим из Италии. По совету русского генерального консула в Сирии и Палестине К. М. Базили, своего школьного товарища, он выбрал маршрут не через Александрию, после чего полагался 12-дневный карантин, а через Смирну. О подготовке к паломничеству, о душевных состояниях, дорожных впечатлениях он писал в письмах к В. А. Жуковскому, протоиерею Матфею Константиновскому, А. А. Иванову, А. М. Виельгорской, С. П. Шевырёву, П. А. Плетнёву, А. О. Смирновой, А. П. Толстому, к родным.

Скудная природа Палестины, блёклые краски, пески, камни... Так странно поражает этот неяркий пейзаж... Но за ним видится то, ради чего преодолеваются громадные расстояния. “Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие Евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать *минувшее* время, чем все ныне видимые местности, обнажённые, мёртвые?” Это слова Гоголя в ответ на просьбу Жуковского описать Палестину. И ещё: “Что могут проговорить тебе эти места, если не увидишь мысленными глазами над Вифлеемом звёзды, над струями Иордана голубя, сходящего из разверстых небес, в стенах иерусалимских – страшный день Крестной Смерти при помрачении всего вокруг и землетрясеньи или Светлый День Воскресенья, от блеска которого помрачится всё окружающее – и нынешнее, и минувшее?”

В Бейруте Гоголь остановился у Константина Михайловича Базили, который с ноября 1839 года состоял российским консулом в Бейруте и Палестине. Базили родился в 1809 году в Константинополе в богатой греческой семье, принимавшей участие в освободительном движении Греции. С началом греческого восстания в 1821 года отец Базили, чтобы избежать угрожавшей ему смертной казни, перебрался с семьёй в Одессу. Год спустя Константин Базили был принят в одно из привилегированных учебных заведений России – Нежинскую гимназию высших наук и лицей князя Г. А. Куселева-Безбородко, где его товарищами наряду с Гоголем стали будущие поэты Н. В. Кукольник и Е. П. Гребёнка, поэт-переводчик В. И. Любич-Романович, профессор права П. Г. Редкин, литератор Н. Я. Прокопович, художник А. Н. Мокрицкий, дипломат И. Д. Халчинский и другие. Русские культурные ценности стали для Базили родными. “Судьбы Востока и личная моя судьба дали мне новое отечество – Россию”, – писал он позднее.

После преобразования в 1843 году бейрутского консулата в генеральное консульство в подчинении Базили оказалась консульская служба всей Сирии. Неудивительно, что первые сотрудники Русской Духовной Миссии в Иерусалиме обрели в лице К. М. Базили надёжного и верного помощника.

По прибытии в Бейрут члены Миссии расположились в доме архиепископа Бейрутского Вениамина. Путевой дневник архимандрита Порфирия сохранил колоритные подробности церемонии обеда архиепископа с его духовными чадами и описание дальнейшего путешествия Миссии в Иерусалим: минуя Сидон, Сарепту, Аджлун, через Тир и далее – в Яффу. Ещё два дня занял путь из Яффы до Иерусалима – с остановкой на ночлег в греческом гостиничном монастыре города Рамле.

Наконец, 17 февраля 1848 года засветло русские миссионеры прибыли в Иерусалим и разместились в кельях монастыря Св. Гроба. Святогробский монастырь вплотную примыкал к Храму Воскресения Христова; ему принадлежали две небольшие церкви – Царя Константина и Св. Фёклы.

Приём у Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Кирилла состоялся на следующий день. Обе стороны засвидетельствовали свои намерения относительно друг к другу “с тем доверием и с тою любовью, какие всегда существовали между Российской и Иерусалимской церковью”.

Святая Земля, какой её увидели первые сотрудники Русской Духовной Миссии, описана русскими паломниками тех лет. Кроме Н. В. Гоголя, это такие выдающиеся личности, как князь П. А. Вяземский, А. Н. Муравьёв, архимандрит Софония (Сокольский). Их впечатления отражены в письмах, путевых заметках, дневниках, позднее опубликованных и ставших фактом литературы: “Путешествие на Восток (1849–1850)” князя П. А. Вяземского; “Письма с Востока” А. Н. Муравьёва, литературным адресатом которых был митрополит

Московский и Коломенский Филарет (Дроздов); “Поездка на Иордан” архиепископа Софонии (Сокольского). Наполненные широким спектром тонких наблюдений и художественных образов, они до сих пор служат богатейшим источником сведений о состоянии палестинских святынь и о событиях вокруг них накануне Крымской войны 1853–1856 годов.

Русский поэт, потомок старинного княжеского рода Пётр Андреевич Вяземский и его жена княгиня Вера Фёдоровна (урожд. Гагарина) приезжали в Иерусалим поклониться святыням в апреле 1850 года. Их паломничество на Восток было связано с тяжёлой утратой – смертью в 1849 году старшей дочери Марии (в замужестве Валуевой). В эти годы сын Вяземских Павел, сотрудник Министерства иностранных дел, служил в Константинополе, где встретил родителей и помог им в определении дальнейшего маршрута. Случилось так, что в Иерусалиме Вяземские разминулись с архимандритом Порфирием и его сотрудниками по Миссии, незадолго до того отбывшими в Египет. Их личное знакомство не состоялось, но сохранился путевой дневник Вяземского, передающий атмосферу жизни, в которой протекало служение русских миссионеров на рубеже 1840–1850-х годов. Вяземским настолько живо переданы впечатления паломника, впервые посетившего Святую Землю, так трепетно взволнована его душа, что читателю кажется, будто он сам прикоснулся к великим святыням, прошёл по улицам Святого Града – именно в те самые дни, когда русское присутствие в Палестине только начинало свою историю. Свои переживания Вяземский выразил также и в поэтической форме (стихотворение “Палестина” 1850 года). Путевой дневник поэта, помимо всего прочего, служит свидетельством напряжённого соперничества представителей разных Церквей, их непримиримой борьбы за главенствующую роль у Гроба Господня, в Вифлеемском вертепе. Парадоксальное суждение Вяземского, что Россия сильна своим отсутствием на Святой Земле, его свидетельство о “желании некоторых, чтобы мы явились”, убеждают в справедливости стремления основать в Иерусалиме русский монастырь “с приличным службе нашей благолепием, с певчими и пр.”.

Для русского духовного писателя А. Н. Муравьёва, прибывшего к сирийским берегам в середине 1849 года, встреча со Святой Землёй была не первой. За двадцать лет до того он уже предпринял большое путешествие в эти края и посетил, кроме Иерусалима, Александрию и Каир, побывал на Кипре, в Смирне и Константинополе, в Анатолии. Современники в России “с умилением и невольной завистью”, по словам А. С. Пушкина, зачитывались его “Путешествием ко Святым местам в 1830 году”. При новой встрече со Святым Градом и его окрестностями Муравьёва сопровождали Иоасаф, игумен Лавры Саввы Освященного, сотрудники Русской Духовной Миссии – иеромонах Феофан, будущий Затворник Вышенский, и студенты. В одну из поездок монахи отслужили для знаменитого паломника из России Литургию – едва ли не первую на славянском языке на берегу Иордана, под открытым небом, соорудив “престол из принесённых столбцов и древесных ветвей, срубленных на месте; покрыв его зелёной трав, одели парчовой одеждой и положили сверху антиминс, <...> крест и Евангелие, с иконой Богоявления Господня”. В “Письмах с Востока” картины Вифлеема, Иерихона, Лавры Евфимия Великого, Горней перемежаются с фактами церковной и политической истории, с жанровыми зарисовками, лирическими отступлениями. У Муравьёва органично соединяются глубокое смирение православного паломника перед святынями, истинный талант художника и наблюдателя, достоверность документалиста.

Паломничество Муравьёва было особым свойством, сродни исследовательской экспедиции. В этом он близок архимандриту Порфирию (Успенскому), встреча с которым всё-таки произошла; это случилось в конце января 1850 года на возвратном пути – в Бейруте, в доме российского генерального консула К. М. Базили.

Исследовательское чутьё Муравьёва и блестящее знание библейской истории подсказывали ему направления поиска. Так, можно полагать, что именно Муравьёв стал первым из русских паломников, открывших для себя Фаран – первую из основанных прп. Харитоном в центре Иудейской пустыни иноческую обитель. Спустя полгода после путешествия Муравьёва один из его проводников, дважды отправлявшийся по его заданию на поиски Фарана, рассказал об этом архимандриту Софонии (Сокольскому) – ещё одному известному паломнику, и тот, после долгого пути под палящим солнцем, также увидел перед собой “дикую, безжизненную, глухую и необитаемую дебрь

с несколькими логовищами для шакалов и гиен”. И только в 1865 году исследование Фарана было продолжено архимандритом Леонидом Кавелиным.

Архимандрит Софония в паломничество на Святую Землю прибыл из Константинополя, где служил настоятелем русской посольской церкви и где в 1847 году встречал направлявшихся в Иерусалим сотрудников Русской Духовной Миссии. Его путешествие по Палестине длилось четыре летних месяца 1850 года; записи путевого дневника архимандрита Софонии наполнены живыми картинами событий на Святой Земле в годы, предшествовавшие Восточной войне. Во многих поездках архимандрита Софонию сопровождали офицеры и матросы русского брига “Неарх”, на котором он плыл от Константинополя до Яффы и обратно, – более 25 человек; “по прибытии в Иерусалим вместе со мною говели, и потом все у меня исповедались и приобщались Св. Таин на Гробе Господнем”, – вспоминал архимандрит Софония. Командир брига Н. Е. Рябинин, впоследствии контр-адмирал русского флота, спустя пять лет после паломничества в Иерусалим был тяжело ранен на Малаховом кургане при героической обороне Севастополя.

Авторами путевых заметок о паломничестве на Святую Землю в начале 1850-х годов были и менее известные современники, например, тульская дворянка Екатерина Волкова или петербуржец, скрывшийся за инициалами Н. Щ. В их дорожных записях – малоизвестные и трудно представляемые сегодня подробности жизни русских паломников на Святой Земле, куда они отправлялись на несколько месяцев, преимущественно с осени и до весны, чтобы встретить Пасху у Гроба Господня.

“Путевые записки, или Краткое описание о Святом граде Иерусалиме и его окрестностях 1852 и 1853 года” Е. Волковой хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде С. А. Белокурова, доктора церковной истории и археографа, выпускника Московской духовной академии, члена Московского общества истории и древностей российских. Тетрадь, исписанная аккуратным крупным женским почерком, попала к учёному, вероятно, в период его работы хранителем Московского главного архива Министерства иностранных дел.

Е. Волкова последовательно описала свой маршрут: Москва–Киев–Одесса–Константинополь–Иерусалим. В Палестине поклонилась святыням Вифлеема, Назарета, Наблуса, побывала на Тивериадском озере, на берегах Иордана, на Сионской горе и на Фаворе. Отдельные разделы “Путевых записок...” посвящены Голгофе, Крестному пути Спасителя, Елеону, Мамврийскому дубу, Горней... Наиболее сокровенные страницы путевого дневника связаны с Храмом Гроба Господня, со святынями, напоминающими о событиях Священной истории. Евангельские стихи сами приходят на память паломнице, оживляя непривычные для русского взора палестинские виды. Венчает “рай душевный” пребывания Е. Волковой на Святой Земле ранняя обедня на Пасху 1853 года, совершённая “на родном языке архимандритом Порфирием; и где же? на Живоносном Гробе!”

Записки ещё одного паломника – “Краткое описание путешествия в Палестину” Н. Щ. – вышли в Москве в 1851 году. Цензором книжки выступил архимандрит Леонид (Краснопевков), впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский. Паломничество Н. Щ. относится к 1847–1848 годам; он буквально на месяцы опередил прибытие в Иерусалим Русской Духовной Миссии, таким образом, оставленные им натуралистические зарисовки дают редкую возможность представить, каким увидели русские миссионеры Святой Град. В отличие от Е. Волковой, Н. Щ. больше обращает внимание на внешнюю, бытовую сторону своей поездки. Его неприятно поражают хаос и теснота на корабле: “кругом крик, шум, брань”, нехватка пресной воды. На суше – также “всякого рода кутерьма”, беспомощность от незнания языков, греческого или турецкого, обманы мусульман, дерзость разбойников, нападавших с камнями и даже с ружьями на паломников. Состояние многих святынь мест удручает путешественника, не вызывая в его душе библейских ассоциаций. Столь разнящиеся впечатления, мысли, настроения паломников не только естественны; в них отражены проявления живой жизни, которые со временем сглаживаются или вовсе исчезают из исторической памяти.

Тем и важны воспоминания и зарисовки Е. Волковой и Н. Щ., что они дополняют достоверными подробностями и яркими бытовыми деталями официальные документы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Исключительно важным источником сведений о Сирии и Палестине стала в середине XIX века книга К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении». Базили, хорошо знавший среду, в которой вырос, и, в силу своего глубокого интереса, приобретший многие познания о регионе, как нельзя лучше подходил для работы на Востоке. К моменту назначения его консулом в Бейрут им были уже написаны и опубликованы книги «Архипелаг и Греция», «Очерки Константинополя», «Босфор и новые очерки Константинополя», а также статьи «Стамбульские оригиналы», «Константинопольские библиотеки», «Коринф», в которых проявился его недюжинный литературный талант. Палестина 1840-х годов стала для пытливого ума и исследовательской натуры Базили истинной находкой; так родился замысел новой книги: о системе государственного управления и экономике страны, об исторических корнях современных явлений, о моральном состоянии населения, обусловленном клубком религиозных столкновений и конфликтов, о древней культуре Православного Востока. Служебная деятельность генерального консула России давала Базили много возможностей для наблюдения текущего хода событий и участия в них; ему нередко «представлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться противу тиранских властей, противу фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства».

Новая книга Базили о Сирии и Палестине должна была, по замыслу автора, войти «в разряд материалов, которых изучение полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока». К лету 1848 года книга была завершена. В предисловии к ней Базили написал: «Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасти села и города. Считаю себя вправе упоминать об этом, потому что заслуги агента Великой державы на Востоке должны быть приписаны не личности его, но званию, которым он облечён». С рукописью знакомились близкие и друзья автора; Базили особенно дорожил высокой оценкой своего труда П. А. Вяземским, «по литературной его славе».

Знания и опыт генерального консула, его положительную роль в решении запутанных межконфессиональных и дипломатических вопросов не раз имели возможность оценить сотрудники Русской Духовной Миссии. Это подтверждает сохранившаяся в архивах служебная и частная переписка русских миссионеров с Бейрутом, Константинополем, Петербургом, Киевом и Одессой. Значимость отдельных архивных документов, несомненно, возрастает, если их расположить в виде летописного хронологического свода; именно так, представленные не разрозненно, а в реальной исторической последовательности, письма позволяют обнаружить центральные и периферийные темы, выявить целостные сюжетные нити, выстроить отдельные эпизоды жизни народов и частных судеб. Это история перевода и печатания Окружного послания Восточных Патриархов в ответ на грамоту Римского Папы Пия IX, перевод славянского катехизиса на арабский язык; затеянная А. С. Стурдзой покупка для женской Сайданайской обители масляного сада; организация училищ для арабских юношей и девиц; тяжба вокруг гарема на крыше Святогробского храма; размещение Миссии в Архангельском монастыре в Иерусалиме, ремонт монастыря «скрытно от мусульманской власти» и неосуществлённые планы на его перестройку. По переписке также восстанавливаются точные даты многих промежуточных событий, вплоть до дня и часа; фиксируются отдельные богослужения на славянском языке, в которых участвовали члены Миссии; наконец, устанавливаются имена помощников, благотворителей и паломников на Святую Землю в годы, предшествовавшие Крымской войне.

В наследии первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) значительный объём занимают его переписка с современниками и дневники, отчасти вполне законченные, отчасти в кратких заметках. Тщательность и подробность ежедневных записей драгоценны на фоне скудных знаний о Палестине середины XIX века. В 1894 году, в девятую годовщину дня кончины преосвященного, Императорская Академия наук осуществила издание «на иждивении Императорского Палестинского Общества» дневников епископа Порфирия — в форме книги с авторским заглавием: «Книга бытия моего». При подготовке рукописи издатели сочли нужным «строго держаться оригинала», понимая, что подчас весьма сильные

и резкие выражения епископа Порфирия “должны быть приписаны его беззаветной и самоотверженной любви к России и Православию, для защиты которых дух его, по собственному его выражению, возбуждался ревностью Илиной”. Благодаря записям епископа Порфирия мы имеем возможность судить о трудах первых русских миссионеров. Они обследовали книжные фонды древних монастырских библиотек Сирии, Палестины и Египта, сохранили для истории Православной Церкви и мировой ориенталистики редчайшие документы и артефакты, многие из которых безвозмездно передали в древлехранилища России.

Задачи, поставленные перед неофициальной Миссией, отправлявшейся в Иерусалим на три года под видом поклонников, состояли в следующем: “Изучить зодчество Церквей Христианских с его символикою, их священную живопись, поэзию, пение, святы, четьи-минеи, литургии, их историю, дипломатию, нравы, обычаи, обряды, уставы, постановления, силу прав, силу денег и торговли, силу слова и школы, силу дома и храма, и всё это изучить как в их собственных книгах, так и в живом обращении с ними, то в Иосафатовой долине и у Гроба Господня, куда все христиане собираются ежегодно, то в путешествиях по их родным странам, с запасом знания языков армянского, халдейского, сирийского, арабского, персидского, коптского и эфиопского (для чего потребны двенадцать питомцев семинарий)”.

Архимандрит Порфирий регулярно, каждые полгода составлял отчёты об учёных занятиях, из которых складывается достоверная и полная картина научных результатов деятельности Русской Духовной Миссии. Её первые сотрудники усердно осваивали на практике древние и новые языки; ездили в экспедиции в поисках мест, связанных с библейской историей; изучали архитектуру древних палестинских церквей и создавали коллекцию их планов и видов; устраивали быт палестинских церквей иконами своего письма и служебными книгами; собирали и переводили акты духовной дипломатии и духовного судебного красноречия Восточной Православно-Кафолической Церкви, грамоты, духовные и аскетические творения Восточных Патриархов и писателей; исследовали церковные книги на арабском языке, историю арабских топографий и многое другое.

Между тем, время, которое сотрудники Миссии могли посвятить науке, сокращали серьёзные болезни, проистекавшие от климата, плохих условий жизни, сырости помещений, нехватки средств. В частном письме иеромонах Феофан обратил к А. Н. Муравьёву, хорошо понимавшему суть дела, пронзительные слова: “Что мы за выкидуши? И что за небрежная мачеха, на которой лежит неотлагаемый долг попечения о нас. Добро бы — дитя не плачет, мать не разумеет. Писано и переписано. И так, и сяк... Это грех пред Богом и людьми... И вредит нашей цели!.. Ибо и слепой увидит, что мы кинуты”.

Ещё одно свидетельство самоотверженного труда немногочисленного состава Иерусалимской Миссии встречаем у архимандрита Софонии (Сокольского), служившего в русской посольской церкви в Константинополе; он пишет архимандриту Порфирию: “Только лишь кончил чтение вашего отчёта. Что сказать о нём? Много, многое... энциклопедическая начитанность и учёность не школьная, а практическая, выработанная в горниле здравого самодышления и опытности — вот что особенно обратило моё внимание и заставляет ещё более любить вас, уважать и целовать. Но, знаете ли, что скажу вам при сём? Скажу вам мой страх и опасение, что вас и ваших трудов не поймут, не разгадают, не оценят по достоинству. Впрочем, это да не удерживает вас на полезнейшем поприще многотрудного вашего действия. Не поймут теперь, поймут после — будущие веки”.

Результаты самоотверженных трудов первого состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме часто недооцениваются, сводятся к необоснованному и краткому выводу: *Миссия не удалась*. Опровержение этого поспешного суждения — в летописном своде документов, относящихся к началу истории русского присутствия на Святой Земле. В них ясно звучит глубокое уважение восточного мира к северной православной державе, посланцы которой являли собой пример высокого служения вере, образец благочестия и учёности, деятельной помощи христианам в устройении и украшении храмов, в организации училищ, устройстве больниц. Первые русские миссионеры не жалели сил, чтобы по мере возможности доводить начатые дела до конца. Они снабжали

приличной одеждой воспитанников патриаршего престола, заботились об уровне преподавания не только в иерусалимских училищах, но и в Вифлееме, Бет-Джале, Наблусе и Назарете; открыли новую школу в Лидде, настоятельно побуждали Иерусалимского Патриарха к особому попечению о сиротах, вдовах и бедных. Были предприняты первые практические шаги к улучшению на Святой Земле быта русских паломников и их безопасности. Материальным результатом своих усилий, которым в Иерусалиме “все любят как редкостью”, архимандрит Порфирий считал построенный и отделанный под его присмотром новый дом Миссии: “Вероятно, мне не удастся жить в нём; но, по крайней мере, я оставлю по себе прекрасный памятник моего зодческого искусства и изящного вкуса”.

С началом Восточной войны оказались под угрозой не только результаты энергичных и успешных трудов Русской Духовной Миссии, но становилось нелегальным и само пребывание её в Иерусалиме. Не без основания беспокоился архимандрит Порфирий, “как бы не покинули меня и дружину мою в настоящем опасном водовороте без всякой подмоги”.

Вопрос об удалении русских настойчиво поднимал перед турецкими властями французский генеральный консул П.-Э. Ботта; как археолог он к тому же видел в архимандрите Порфирии серьёзного соперника в ориенталистике. Долгое время русским миссионерам покровительствовал австрийский консул граф Пиццамано, но и его возможности к весне 1854 года были исчерпаны. “Буря уносит меня с Востока, — писал 28 марта архимандрит Порфирий директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. И. Любимову. — Не могу противостоять её сильному напору, но, как подумаю о прерыве моего влияния на благоустройство Церкви Палестинской и моих учёных занятий, посвящённых многостороннему исследованию Востока, признаюсь, сожалею о том, что раненко суждено мне своротить с поприща, хотя никем из наших не протоптанного и потому трудного, но соответствующего прирожденным стремлениям моей души к познанию неизвестного и к деятельности в кругах дальних и обширных, не утомляющего сил моих и ведущего к целям высоким и благодетельным”.

Хотя в Иерусалиме всё было спокойно, эхо военных действий доносилось и сюда, как и отзвуки победных реляций и злобных выпадов против России рвавшихся в Крым турок и союзных держав; “как будто эти союзники не встретят там ни одного полка русского и как будто военный министр наш оставит Тавриду, эту жемчужину России, открытою на съедение ракам, привезённым из Сены и Темзы”, — в том же письме гневно восклицал архимандрит Порфирий. И слово в ответ прозвучало слова Высочайшего манифеста “О войне с Англией и Францией”: “Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной? — Нет!! Россия не забыла Бога!”

Настал день, когда членам Русской Духовной Миссии предстояло “расстаться с возлюбленными святынями” Иерусалима. 5 мая 1854 года русские миссионеры покинули Святой Град, а вечером 11 мая на австрийском пароходе “Императрица” отплыли из Яффы в Александрию. Их дальнейший путь лежал через Смирну, остров Сирос, и 21 мая “Императрица” подошла к афинской пристани Пирей для дневной остановки. Времени было достаточно для поездки в столицу Греческого королевства.

В дневнике архимандрит Антонин (Капустин), служивший настоятелем русской посольской церкви в Афинах, записал: “Пятница. 21 мая 1854 г. Пётр, приехав, сказал мне, что о. Порфирий давно ожидает меня. Вот тебе сюрприз новый. Пришёл домой, нашёл гостей и о. диакона. Их было трое: о. Порфирий, о. Феофан и один студент с ними. Сколько я ни упрашивал их остаться хоть ненадолго в Афинах, не мог уговорить. Выпив по рюмке вина, отправились к о. иконому. Посидев там с четверть часа, отправились в Пирей. Пароход уже дымился. На палубе его встретил целую Россию баб-богомолок. Имел честь и удовольствие познакомиться с о. Вениамином. Ещё раз простились с отцами Иерусалимскими, передал поклон в Рим. Сколько ждал иерусалимлян... Увидел, как во сне”.

Так состоялась промыслительная в истории Русской Духовной Миссии встреча первых её сотрудников с будущим создателем Русской Палестины.

О дальнейшей судьбе первых сотрудников Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Студент Пётр Алексеевич Соловьёв (1825–1898) стал протоиереем, церковным писателем. По возвращении со Святой Земли десять лет (1855–1865) прослужил священником церкви равноапостольной Марии Магдалины на Малой Охте в Петербурге; затем ещё двадцать лет – священником Покровского храма в Большой Коломне в Петербурге, став его настоятелем в 1885 году. П. А. Соловьёв был принят в члены Императорского Православного Палестинского Общества. Результатом его трудов в составе РДМ явился “Альбом памятников христианской древности в Палестине и Египте”, изданный архимандритом Порфирием (Успенским). Писал воспоминания об увиденном и пережитом.

Студент Николай Петрович Крылов (1828–1905), вернувшись в 1852 году из Иерусалима по болезни ранее других, был принят псаломщиком в храм Входа Господня в Иерусалим в Санкт-Петербурге. Прослужив там два года, после дьяконской хиротонии в 1854 году переведён в церковь Воскресения Христова в Малой Коломне; там же в 1872 году рукоположен во священника и в 1888 году назначен настоятелем. Последние пятнадцать лет его жизни были связаны с храмом равноапостольной Марии Магдалины на Малой Охте.

Иеромонах Феофан (1815–1894) стал известным богословом. После деятельного служения настоятелем русской посольской церкви в Константинополе (1856–1857), ректором Санкт-Петербургской духовной академии (1857–1859), правящим архиереем Тамбовской (1859–1863) и Владимирской (1863–1866) епархий, ушёл в затвор в Успенском Вышенском монастыре, посвятив себя молитве и трудам, в числе которых творения экзегетического, катехизического и аскетического характера, духовно-нравственные и гомилетические сочинения, публицистика, переводы творений святых отцов, письма. Среди русских духовных писателей епископ Феофан занимает первое место по масштабам своего наследия. В 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви он был прославлен в лике святителей.

Архимандрит Порфирий (1804–1885) продолжил свои научные изыскания, пополняя музейные и библиотечные собрания России ценнейшими рукописями и артефактами. После своего третьего путешествия на Восток в 1861 году больше уже не покидал Россию. В 1865 году был рукоположен во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1878 году назначен членом Московской синодальной конторы и настоятелем Новоспасского монастыря.